

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

И.С. ШМЕЛЕВ
и проблемы национального
самосознания (традиции и
новаторство)

Материалы международных научных
конференций Шмелевские чтения
2011 и 2013 гг.

Москва
ИМЛИ РАН
2015

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Спиридонова Л.А.* (отв. редактор)
кандидат филологических наук *Быстрова О.В.*
кандидат филологических наук *Суматохина Л.В.*
кандидат филологических наук *Каскина Ю.У.*
кандидат филологических наук *Плотникова А.Г.*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Кутейникова А.А.*
кандидат филологических наук *Шуган О.В.*

И.С. ШМЕЛЕВ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ (ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО). Материалы международных научных конференций Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2014. — 536 с.

В сборнике на новом методологическом уровне, с привлечением новых архивных материалов ставятся и решаются проблемы изучения, интерпретации и издания творческого наследия И.С. Шмелева. В состав книги вошли статьи, посвященные роли писателя в литературном процессе XX века, в отражении и формировании национальной картины мира, традициям русской классики в его творчестве, новаторству художника слова, особенностям языка писателя, текстологическим вопросам, а также проблемами преподавания творчества Шмелева в высших учебных заведениях.

МЕСЯЦ КАТАСТРОФ И НАДЕЖД. АНТИНОМИИ МАРТА ИВАНА ШМЕЛЕВА

В истории России март, безусловно, самый катастрофический месяц. События, повлиявшие на ход истории государства, совершались часто именно в марте, и, как правило, это были события трагические: политические убийства, покушения, революции, перевороты. Можно предположить, что причина этого лежит в духовной сфере: именно на март из года в год приходится большая часть Великого поста (он начинается не позднее восьмого марта по старому стилю). А пост — время обостренной духовной борьбы, особой напряженности как личной, так и общественной жизни, время, особо значимое для страны православной.

Иван Шмелев — писатель духовно чуткий, слушающий бытие сердцем. Может быть, поэтому именно март занял особое, исключительное место в его творчестве. Март Шмелева антиномичен: он часто катастрофичен и страшен, но порой светел и рождает надежду. Ведь и в православном круге Великий пост считается не только временем борьбы, особого натиска темных сил, но и «весной духовной», неминуемо ведущей к радости Воскресения.

Семилетним ребенком Иван пережил убийство Императора Александра Второго. Совершилось оно 1 марта 1881 года, в первое воскресенье Великого поста, называемое Неделей Торжества Православия. Много лет спустя Шмелев запечатлел эти переживания в рассказе «Страх» (1937). Как обычно у Шмелева, детское, незамутненное сознание, не отягощенное взрослой рефлексией, вернее воспринимает происходящее, ощущает те невидимые энергии, что присутствуют в атмосфере эпохи. Непонятные тревожные разговоры взрослых, полицейские на улицах, озабоченные лица близких — все это рождает в маленьком Иване нарастающий ужас: все «боятся, все шепчутся... и ворота велели на запор. Неужели *эти* начнут всех резать и под свою волю покорять? Меня забирает страхом <...> И все боятся, ни души на-

роду, вся улица мертвая, пустая» (4, 549) Узнав от взрослых, что убили царя, мальчик боится, что теперь враги придут к нему в дом и убьют семью.

Атмосфера ужаса заволакивает всю Россию. Она связывается с нашествием демонических сил: «Страшные дни пришли. Всё могут... и резать начнут, и... всё могут погубить... *с ними, с эн-тими* сам главный враг, *нечистый...*» (4, 552).

Отметим, что шмелевский добрый юмор присутствует даже в этом, полном тревоги, рассказе: ребенок слышит, что важно успеть «присягу поцеловать», но не понимает смысла фразы и все время расспрашивает: «что такое “присяга”, как ее целовать?.. <...> это чего... страшное, да?..» (553).

Рассказ оставляет ощущение пронесшегося над страной темного вихря. На этот раз обошлось, присягу «поцеловали» и налаженная жизнь не рухнула, но предвестье будущих потрясений уже чувствуется.

Обратимся к главной русской катастрофе — 1917 году. Хотя революцию принято называть Февральской, центральное ее событие совершилось 2 марта, когда Государь отрёкся от престола. Это была как раз середина Великого Поста.

Иван Шмелев, увлеченный идеями социализма и народоприветствия, приветствует революцию, радостно встречает новую — без царя! — Россию. Давно прошли детские страхи, что страну погубят *«энти... губители-лиходеи, которые душу продали»* (4, 552), забыты слова мудрого Горкина: «...такое время... теперь страшные дни пришли... без царя мы теперь живем... конец подходит!» (4, 551). Дни, наоборот, настанут веселые, как мнится писателю. Он становится очевидцем и хроникером событий, отправляется встречать героев революционного подполья на специально снаряженном поезде. Свои репортажи для газеты «Русские ведомости» он отсылает прямо с места событий. Цикл Шмелева из 13-ти очерков под названием «В Сибирь за освобожденными» публиковался в этой газете в марте-апреле 1917 года.

Очерки Шмелева, живое слово свидетеля — ценный психологический документ эпохи. Автор описывает сценки, характеры, речи ораторов и реплики толпы. Первое, что бросается в глаза — ощущение праздника, в который погрузилась буквально вся Россия. «Всех закружил весенний день в красных флагах. Блеск и блеск — в лужах и в грачиных крыльях, и в глазах и в небе. <...> Свобода!» (8, 361). Солдатские депутаты и сестры милосердия, станционные начальники и полицейские — все приветствуют

новое. Восторженность, эмоциональность, столь свойственная Шмелеву, проявляется в полной мере: «Глядишь и не веришь: ведь это же воскресение из мертвых». Царская Россия, трогательно воспетая позднее в «Лете Господнем», в логике очерков оказывается мертвецом, воскрешают же ее личности типа Керенского, о котором уверенно говорит толпа: «Керенский — понимает дело!» (8, 351).

Шмелев упоенно слушает многоголосие народа, еще косноязычного, но сознание которого пробуждается, и сам писатель, выступая на митингах, учит свой народ социализму. «Изголодавшемуся по правде народу — дайте живое слово!» (8, 363). Народ, как видится Шмелеву, словно подменили, теперь у всех новые лица: «С такими лицами стоят в церкви». Ни одного выкрика, ни одного злого слова. Не слышно брани. Этот апофеоз всеобщего счастья доходит до гротеска: «Свиньи, и те рады!» — бросает извозчик, завидев животное (8, 357).

Особый очерк посвящен встрече в Самаре «бабушки русской революции», Е.К.Брешко-Брешковской. О ней говорится высоким, церковным слогом: «Она вся — любовь, вся — жертва, вся — огонь согревающий. <...> Ее седины святы. Ее жизнь — чистота и подвиг. Ее слово — огонь очищающий и дождь благодатный» (8, 365–366).

Многочисленные свидетельства тех лет подтверждают: революция осмыслялась массами как событие религиозное (возрождение, воскрешение), в терминах христианства, и мало кого заботило, что при этом суть христианских понятий подменялась или искажалась. Уподобление революционеров святым, кощунственное для христианского сознания, стало общераспространенным; оно имело, впрочем, давние корни в идеологии революционных демократов. Шмелев в те времена всецело разделяет этот массовый религиозно-политический энтузиазм. В очерках мы наблюдаем постоянное, подчеркнутое соотношение происходящего с образами Пасхи: «Что-то пасхальное, нежное, как душа ребенка, в этих скромных плакатах <...> пасхально смеется с веселых кусков золотая, искорками сыплющая вязь: “Мы вас ждем, родные братья!”» (8, 350). Шмелев только упускает из виду, что еще не завершился Великий пост, что это не время для веселья, что подобный разгул в страстные дни не кончится добром... В очерках «смеются» Волга, солнце, снега, флаги, лужи, окошки, народ. Эпитет «невеселый», что характерно, применен только к храмам Божиим («На редких невеселых церквушках <...> чер-

ные фигурки возятся, устанавливают площадки»). Этот смех, но только открывший свою подлинную природу, как жуткий хохот смерти, скоро раздастся в «Солнце мертвых», где солнышко заиграет на смертоносном штыке...

Бесовскую ухмылку трудно было разглядеть людям, духовно еще не зорким. Шмелев не замечает кощунственной подмены, извращения нравственного чувства, когда воспеваает гимн членам иркутского исполкома, бывшим каторжанам: «Это — удивительные люди. Слава им... <...> Это — капитаны на корабле в будущее. Привет им, террористам когда-то, теперь мирным делателям жизни! Святое несут они в себе» (8, 373).

Многое было забыто тогда Иваном Сергеевичем — до времени. Но в глубинах души хранилось впитанное в детстве ощущение истины, иногда оно мерцает и в очерках. Вот характерная сценка: Великая Суббота, санитары разносят по вагонам крашенные яйца, для «товарищей» готовят куличи и пасхи. И тут, совсем неожиданно, появляются «на многих лицах, разучившихся улыбаться, — слабые улыбки далеких воспоминаний. Вечер субботний... Ушедшее далекое детство... Ушедшие невозвратно тихие радости». У непредвзятого читателя может возникнуть вопрос: если такие вот радости были реальными, чего же ради ломать и переворачивать этот мир? Несут снеди «с молитвой в душе, с чудесным чудом в душе и тихой думой в глазах» (8, 380; 382-383). Эта тишина выглядит чужеродно во всеобщем гаме и ажиотаже. Но Шмелев ее чувствует. Точно так же проблески «горного» мира присутствуют, например, в повести «Человек из ресторана», ориентированной на «знаниевские» демократические каноны. В общую мрачноватую и нервную атмосферу повести вклиниваются исполненная умиротворения страничка с описанием Рождества и реплики загадочного старичка: «Без Господа не проживешь!»

В последнем очерке Шмелев рассказывает, как в пасхальную ночь на станции Тайга каторжане вырезали целую семью. Вместо радости «в первую великую ночь свободной Руси» — рождаются «тьма и страх» (8, 382). Вот оно — лицо новой «свялости». «Валится тяжкий камень на сердце», — откровенно признается Шмелев, и из-под этого камня раздается «мучающий голос», голос недоумения, сомнения... Так на заключительной странице очерков говорит почувствовавшее страшную правду саднящее сердце художника, и только-только начинается горькое отрезвление.

Приветы террористам добром кончиться не могут. Прозрение наступило скоро. Рассказы, повести Шмелева 1920-х годов отражают крушение просветительско-народнической идеологии. Одной из магистральных тем его творчества становится беспощадный суд над идеями либеральной интеллигенции, которая соблазнила народ, «отняла» у него Бога и пробудила всплеск низменных страстей, жертвой которого сама в итоге и пала.

Характерен в этом отношении очерк «Убийство» (1924), посвященный тем же самым мартовским событиям, что описаны в очерках. Это достаточно объемный, на полтора печатных листа, текст, состоящий из пяти глав. Написан он с характерным для Шмелева речевым потоком автора, стремящегося высказать наиболее болезненное, с нарастающей до предела эмоциональностью, сгущением синонимичных глаголов и эпитетов. Местами речь переходит буквально в крик — ужаснувшейся души художника.

«Поезд свободы», совсем недавно воспетый Шмелевым, вырастает теперь в жуткий образ чудовища, змея, крадущегося к Москве. Он становится лейтмотивом и анафорой глав очерка («Поезд освобожденных шел...», «Пошел к сердцу России» и т.п.). Здесь налицо характерная для послереволюционного творчества писателя ретроспективная переоценка событий и фактов. Это переосмысление идейное, но поскольку Шмелев в первую очередь художник, то и проявляется оно в остром антагонизме старых и новых художественных образов. Как же теперь выглядят «капитаны корабля в будущее»? — «И вот, сибирский поезд политических каторжан, подпольщиков и восторженных сумасшедших, шулеров слова и мысли, своекорыстных, обиженных жизнью и затаивших злобу и просто радующихся легкой возможности перемен, поезд выросший в апокалиптическое чудовище, обрушился на помутившуюся Россию» (2, 466). Теперь уже мартовские дни 1917 года видятся в ином свете. Революционеры — люди, совершенно чуждые России по крови и духу, — совершили «величайшее из убийств, еще неведомое истории, — убийство целой страны, убийство многомиллионного народа — растление его духа» (2, 461). Так недавний пафос «воскресения мертвого» сменяется стоном при виде убийства живого. В слове Шмелева-публициста сочетаются беспощадное обличение и боль души: «...эта гнусь-мразь, прикрывавшаяся высокими лозунгами “человекобратства”, разжигала, мучила и ослепляла массы, натравливала-науськивала, клеветала, травила; разлагала и растлевала; продавала и предавала лучших, срывала с них знаки их сы-

новнего и отчего долга, плевала им в незапятнанную душу, посеяла сомнение и отчаяние, подкапывалась и взрывала, чтобы приготовить майдан-базар, на котором впоследствии можно было очень и очень недурно поработать» (2, 454).

Шмелев констатирует: «Факт изнасилования и убийства великой страны — налицо. Факт десятков миллионов слепо и зверски отнятых человеческих жизней, — лучших молодых жизней — и миллиардных богатств имущества и культуры, собранных тысячелетним трудом России, не может быть возмещен ничем. Он останется голым и гнусным актом глупости и безволия того слоя российской интеллигенции, который несет ярлык, отныне роковой и жгучий ярлык — интеллигентский демократизм» (2, 464).

Сознавая, что и сам был причастен к этому слою и его идеям, Шмелев стремится изжить их до конца, вновь возвращается к теме «поезда свободы» в рассказе «Кровавый грех. Рассказ сестры милосердия» (1937). Эпиграф к нему взят из Пушкина: «Привел меня Бог видеть злое дело, кровавый грех».

Вместо прекраснодушных сцен в очерках, когда, как мнилось Шмелеву, народ требовал «литературы и слова», здесь выведен хитрый мужичонка — он просит «”прикламаций каких-нибудь, потоньше”, — очевидно, на курево» (7, 303). Освобожденные выглядят теперь неприглядно, отнимают продукты у своих врачей. «Почему сеют только злобу и ненависть? как *их* унять? почему они вносят разлад в нашу дружную до сего санитарную семью? почему *они* так ненасытно говорят и спорят? почему никто не сказал о России ласкового слова, а всё только о пролетариате и “трудовом народе”?» (7, 305). Эти слова медсестры вполне ведь могли быть обращены и к самому Ивану Шмелеву — тогдашнему оратору и пропагандисту, автору и герою своих очерков. Всепроникающее прежнее «веселье» заменяется другим ключевым словом — «ужас». Меняется символика цвета: красный, прежде радостный, обретает эпитет «кровавый», и пасхальный трезвон кажется героине (только что узнавшей о резне, устроеной каторжанами) «страшным, кроваво-красным» (7, 308).

В словах медсестры мы слышим, конечно, интонации Ивана Шмелева, но уже прозревшего: «Мы приходили в ужас и возмущение. *Кого* же мы везем! И это — наше, родное, русское. Призывают брататься с немцами и обратить ружья против своих. После всего пережитого на войне, после жертвенности солдат, увидали мы уозость, тупость и ненависть» (7, 305).

Так переоценены явления, описанные когда-то «по горячим следам». Эта ретроспективная инверсия оценок очень типична для Шмелева, и касается она не только отказа от революционного пафоса, но и полной перемены мировоззрения. Отчетливо выявляется она, например, при сопоставлении двух описаний одной и той же юношеской поездки в Валаамскую обитель: «На скалах Валаама» (1897) и «Старый Валаам» (1935).

Но вернемся к марту. Этот месяц играл важную роль в творческой биографии художника. Именно в марте чаще всего приходило творческое вдохновение, рождались замыслы новых книг. Шмелев очень внимательно относился к датам создания своих произведений, он часто указывал не только годы, но и месяцы работы. В марте написаны рассказы «Музыкальная история», «Крест», «Туман», «Гунны», «Марево», «Письмо молодого казака», «Стенька-рыбак», роман «Иностранец», статьи «Крушение кумиров» и «Душа Москвы». Существенно, что в марте начаты главные книги Шмелева: эпопея «Солнце мертвых» (в марте 1923), роман «Няня из Москвы» (в марте 1932, закончен в марте 1933), вторая и третья части «Лета Господня» (в марте 1934); первый и второй тома «Путей небесных» (в марте 1935-го и в марте 1944-го годов соответственно).

В «Путях небесных» март стал самым значимым месяцем. Действие романа начинается «ночью, в конце марта 1875 года, на Великий Понедельник» (5, 396). Стало быть, перед Страстной седмицей. «Мартовская ночь, потрясая Виктора Алексеевича видом раскрывшегося неба, стала для него *откровением*» (5, 25). В эту ночь совершается катастрофа сознания главного героя. Вейденгаммеру открывается непостижимость мироздания и наличие Высшей силы, но он испытывает ненависть к ней, не принимает открывшуюся тайну бытия и в страшной тоске решает свести счеты с жизнью. В эту же самую ночь и Дариньку, послушницу Страстного монастыря, впавшую в отчаяние, спасает от самоубийства Николай Чудотворец. Скрещиваются пути двух героев. «В ту ночь, бессонную от мыслей, я сознал, какой дар послан был мне в темную мартовскую ночь, когда я решил кончить с “бесмысленною жизнью”. Тогда, идя бульваром, я повторял пушкинские стихи – “Дар напрасный, дар случайный, — Жизнь, зачем ты мне дана?..” И мне был послан *дар*, и этим даром приказано было мне: живи и познай» (5, 354–355).

Март играет роль и в последующем развитии действия: 7 марта — день рождения Дари, а 19 — день ее именин (память

св. мучеников Дарии и Хрисанфа), эти даты связаны с важными событиями в жизни героев.

Март Шмелева антиномичен и многозначен. С этим месяцем связываются подчас и радостные картины, и надежда на воскресение. «Мартовская капель», глава «Лета Господня» — пронзительно ясная и радостная, наполненная светом. Одно чрезвычайно важное движение совершилось в душе художника в пасхальные дни 1925 года. Охватившее его чувство запечатлено в лирических миниатюрах-зарисовках «Весенний плеск», «Яичко», в главе «На святой» «Лета Господня». Перед взором писателя стоят страшные картины распятой России, терзают душу, выливаются на страницы «Солнца мертвых» и «Крымских рассказов». Но вот в памяти Шмелева всплывают дни детства, вспоминается пасхальное сахарное яичко: «Вон оно, святое, у киота. И мне не страшно. Свет от него, и Ангел ласково глядит мне в сердце» (7, 196). Шмелев, наконец, находит ту духовную субстанцию, возле которой «не страшно». И в этих строках, как в зерне, как в «яичке», — зарождается то, что, разившись, станет главным вкладом Шмелева в мировую литературу и вершиной его творчества — книгой «Лето Господне». Вот эти строки: «В детстве, когда бывало горе, я приходил к киоту и смотрел. <...> ...за стеклышком я видел: светозарный, с блистающей хоругвью, воскресал Христос из Гроба. Я всматривался в эту панорамку до счастливых слез, — и заливало светом» (7, 196).

Но это уже не март — под рассказом стоит месяц апрель. Великопостный март, полный скорби и страдания, заканчивается, уступая место пасхальному апрелю.